„Библіотека Европейской Войны“

ВИЛЬГЕЛЬМЪ II

—угроза гуманности и цивилизаціи.

«...наша цивилизація, наша гуманность потерпѣли такой ударъ, отъ котораго долго не оправятся».

Августъ Бебель.

Кіевъ,
типо-лит. „Прогрессъ“ Б.-Владимірская, 61
1914.

№ 1.

А. Р.

Вильгельмъ II
— угроза гуманности и цивилизаціи.

Кіевъ.
Издательство „Библіотека Европейской войны“.
1914.

Дозволено военной цензурой. Кіевъ. 5 сентября 1914 г.

Типо-Литографія «Прогрессъ». Кіевъ, Владимірская 61.

«...наша цивилизація, наша гуманность потерпѣли такой ударъ, отъ котораго долго не оправятся».

Августъ Бебель.

(Рѣчь въ рейхстагѣ—18 ноября 1900 года).

Наша доблестная армія ушла. Сыновья наши, наши дѣти уже вершаютъ судьбы Европы, уже начали великое, святое дѣло освобожденія, братское дѣло любви... Могуче наше воинство! Какъ божья гроза, какъ кара неба обрушится оно на врага... Солнце побѣды сверкаетъ на его штыкахъ, и впереди его слава... Съ крестомъ въ рукѣ, съ молитвой на устахъ, съ любовью и милостью въ сердцѣ идетъ нашъ народъ, народъ богоносецъ, объявить человѣчеству свободу, превозгласитъ тотъ вѣчный миръ, то братство народовъ, которое стало девизомъ его государей. Да будетъ благословенъ твой путь рыцаря-богатыря, великій русскій народъ! Да вернешься ты съ неувядаемой славой къ вѣчнымъ, отнынѣ мирнымъ трудамъ своимъ, къ великому дѣлу культурнаго строительства твоей необъятной родины!

Жалокъ и тяжелъ жребій нашъ, оставшихся дома... Едва проснешься, едва осмыслишь дѣйствительность пасмурнаго дня, отгонишь кошмары ночи, — уже тянешься жадной рукой къ свѣжему полусырому, пахнущему типографской краской и утреннимъ холодкомъ, номеру газеты и читаешь, поглощаешь, весь погружаешься въ близко-далекое, жуткое, кроваво-мутное...

Нѣтъ покоя моей душѣ! Нѣтъ силъ дольше задыхаться въ жутко-нѣмыхъ стѣнахъ постылой комнаты! Въ тиши сонной ночи я иду туда, гдѣ по стальному мерцающему пути уходятъ отъ насъ наша краса и гордость, наши надежды и будущее, герои, дѣти наши. Оттуда приходятъ они загадочно-блѣдные, истомленные, таящіе словомъ невысказанное, но съ просвѣтленнымъ лицомъ, съ улыбкой всепроникновенія и прощенія на устахъ... Здѣсь нѣтъ покоя ни сна. Здѣсь грустные проводы, безъ думъ, безъ силъ охватить, понять, смирить сердце. Здѣсь боязвливо-родостныя встрѣчи, зорко впивающіеся глаза, безсвязныя, лепечущія рѣчи...

Снова дома, снова въ грустныхъ нѣмыхъ стѣнахъ... Нѣтъ покоя, нѣтъ сна... Душа горитъ и пламенѣетъ... Хожу, хожу, хожу... Карта, «Карта Европейской войны». Красныя, фіолетовыя, зеленыя полосы, черныя точечки, лучистые звѣздообразные кружочки. . . . .

Недавно радостные, цвѣтущіе города прекрасной Бельгіи въ развалинахъ, нивы истоптаны и сожжены, святыни попраны, божья и человѣческая красота оплевана... О! тевтоны-варвары! Вамъ пе простятся муки опозоренныхъ женъ, и о жестокомъ отомщеніи самого неба взываютъ пустыя глазницы истерзанныхъ дѣтей! Каждый камень разрушенныхъ вами городовъ падетъ карающимъ молотомъ на ваши безумныя головы, и каждый комъ, взрытой вами земли, будетъ вашимъ могильнымъ курганомъ! Кости ваши истлѣютъ и ненавистныя име-

на давно забудутся, но позорная память о кровавомъ дѣлѣ вашихъ рукъ переживетъ вѣка...

Ночь безжалостно длинна... Взволнованное сердце не хочетъ знать покоя. Мозгъ лихорадочно тревоженъ... О! если-бъ я могъ вонзить расщепленное жало пера въ святыню моего сердца,—кровью-бъ я написалъ эти пламенѣющія страницы! Я бы хотѣлъ исторгнуть мощной рукой прямоствольную сосну предвѣчныхъ лѣсовъ Скандинавіи и, обмакнувъ ее въ клокочущее жерло Этны, выжечь огненной вязью по своду неба:

Кайзеръ Вильгельмъ—палачъ!
Кайзеръ Вильгельмъ—варваръ!

Но пути титановъ слова начертаны лишь для Гейне, и едва тлѣетъ мое перо, и слишкомъ мало яду въ моихъ чернилахъ...

Кайзеръ... Вильгельмъ... Почти 30 лѣтъ уже это имя звучитъ скрытой угрозой міру и цивилизаціи, всему, что есть святого, что есть прекраснаго, что вселяетъ колѣнопреклоненный трепетъ передъ тайной Бога, величіемъ человѣка. Почти 30 лѣтъ ненормально дикая энергія одного человѣка держитъ въ непрестанномъ напряженіи народы міра, гонитъ земной шаръ въ тупикъ безконечныхъ вооруженій, колоссальныхъ непроизводительныхъ затратъ, милліардныхъ долговъ, наростающей жестокости, доисторическаго варварства, отупѣнія и невѣжества массъ.

Кто же этотъ новоявленный антихристъ, апокалипсическ й звѣрь, химерическое порожденіе напуганной фантазіи? Наполеонъ

на глиняныхъ ногахъ, воскресшій Атилла, легендарно-кровожадный Тамерланъ, или злорадная гримаса исторіи, напялившей тогу мрачнаго величія на огородное пугало?

Генералъ-фельдмаршалу Врангелю суждено было, невольно обмолвившись пророческимъ словомъ, начертать гороскопъ бубущаго германскаго императора. Когда кронприцесса Викторія разрѣшилась отъ бремени своимъ первенцемъ, народъ, толпившійся у дворца, набросился съ нетерпѣливыми разспросами на показавшагося у выхода стараго генерала. «Ничего, дѣтки, — сказалъ старикъ:—все обошлось какъ слѣдуетъ. Изъ новорожденнаго выйдетъ прекраснѣйшій рекрутъ».

Да, именно рекрутъ, не солдатъ, не организованная и дисциплинированная сила, а только рекрутъ вышелъ изъ новорожденнаго въ лицѣ Вильгельма. Тотъ именно, уже полузабытый, типъ рекрута-наймита, дебошира, скандалиста и вандала-разрушителя, похмѣльной головушкѣ котораго море по колѣни и самъ чортъ не братъ. И такимъ именно рекрутомъ-дебоширомъ выказалъ себя Вильгельмъ II въ годы своего студенчества въ Боннѣ, отдавая чрезмѣрную дань и нѣмецкому пивному Бахусу, и дебелой германской Венерѣ, и угарному буршеншафтскому шовинизму. Здѣсь въ Боннѣ Вильгельмъ, въ видѣ серьезно-государственнаго дѣла, предавалъ онаѳемѣ шампанское, какъ французское зелье, и поощрялъ омерзительно-дикія студенческія дуэли, какъ полезное для возбужденія тевтонскаго мужества кровопусканіе. Потребовались дол-

гіе годы казарменно-придворной муштровки, чтобы пересоздать, въ лицѣ Вильгельма, неотесаннаго рекрута въ внѣшне, по крайней мѣрѣ, отполированнаго дисциплиной солдата. «Лишь благодаря строгости придворнаго этикета—говоритъ одинъ англійскій авторъ—принцъ усвоилъ себѣ нѣкоторыя манеры и привычки, шедшія въ разрѣзъ съ его природными наклонностями, какъ напр., внѣшнюю вѣжливость въ обращеніи».

Что и говорить, внѣшняя вѣжливость въ обращеніи—вещь для полудикаря весьма важная, но зато ужъ дальше этой, своего рода, этической максимы Вильгельмъ такъ и не пошелъ. Отъ макушки своей, убого начиненной, головы, мимо приказчичьихъ усовъ и до послѣдняго гвоздя, если не фактически, то идейно подкованныхъ сапогъ — Вильгельмъ былъ и есть солдатъ, только лишь грубый нѣмецкій солдатъ, въ самомъ специфически-отграниченномъ значеніи этого слова.

Еще въ раннемъ дѣтствѣ, семи лѣтъ, будущій король-императоръ проявлялъ уже особенную любовь къ военнымъ артикуламъ и къ воздаваемымъ ему почестямъ. Передаютъ очень характерный въ этомъ отношеніи эпизодъ. Какъ всѣ дѣти его возраста, маленькій Вильгельмъ очень не любилъ подвергаться каждое утро кропотливой операціи умыванія и расчесыванія непокорныхъ вихровъ. Однажды, когда принцъ, какъ это не разъ уже случалось, немытый и нечесанный, выбѣжалъ во дворъ и поспѣшилъ къ воротамъ, чтобы испытать непріѣвшееся еще удовольствіе при видѣ вытянувшагося пе-

редъ нимъ и взявшаго на караулъ часового,— онъ былъ на этотъ разъ весьма непріятно разочарованъ. Часовой не шелохнулся, не проявилъ никакихъ признаковъ вѣрноподданническаго трепета и, казалось, даже не замѣчалъ маленькаго принца, какъ тотъ ни вертѣлся передъ нимъ, желая обратить на себя его вниманіе. Весь въ слезахъ, вбѣжалъ Вильгельмъ въ кабинетъ отца и разсказалъ о дерзкой выходкѣ солдата. Кронпринцъ Фридрихъ съ самымъ невозмутимымъ видомъ подозвалъ поближе сына, внимательно осмотрѣлъ его съ ногъ до головы и затѣмъ сказалъ: «Неумытымъ принцамъ не полагается воздавать воинскихъ почестей». Нечего, разумѣется, пояснять, что весь этотъ инцидентъ былъ подстроенъ родителями принца и разъ навсегда и накрѣпко его пріохотилъ къ выполненію необходимыхъ манипуляцій утренняго туалета.

Во всей этой исторійкѣ прежде всего и больше всего, конечно, наивно-дѣтскаго, но есть въ ней кое-что не совсѣмъ хорошее. Этотъ элементъ «не совсѣмъ хорошаго» станетъ особенно выпуклъ, если мы вспомнимъ, что, въ свое время, гуманнѣйшій нашъ поэтъ В. А. Жуковскій, въ качествѣ воспитателя Великаго Князя Александра Николаевича, самымъ энергичнымъ и настоятельнымъ образомъ протестовалъ, и притомъ не безуспѣшно, противъ слишкомъ ранняго участія и привлеченія будущаго Императора Александра II къ военно-милитаристскимъ интересамъ, хотя-бы то въ видѣ дѣтскихъ забавъ и игръ. И понятно, при современной конъюнктурѣ междугосу-

дарственныхъ отношенiй, будущiй вождь великаго народа не можетъ не знать и самымъ серьезнымъ образомъ не интересоваться военнымъ дѣломъ и вопросами милитаризма. Но зачѣмъ отравлять и пугать юную неокрѣпшую душу картинами неизбѣжно-жестокаго? Зачѣмъ прежде времени вводить въ кругозоръ ребенка, въ сферу его интересовъ, пока чуждые ему, вопросы воинскихъ артикуловъ, дисциплины, iерархическаго подчиненiя, подначалiя и почестей? Все это, какъ и многое другое, неизбѣжно придетъ въ свое время, воспринятое въ соотвѣтственномъ освѣщенiи, соотвѣтственно понятое, менѣе грозное и менѣе подавляющее психику.

Гуманное влiянiе Жуковскаго и изгнанiе изъ сферы ранней юности Великаго Князя «военныхъ» интересовъ нисколько не помѣшало Императору Александру II вести великiя и побѣдоносныя войны. Но это влiянiе, эта гуманно-рацiональная постановка воспитанiя сказались въ томъ, что, при неизбѣжной жестокости и ужасахъ войны, надъ тѣми, которыя пришлось вести Александру II, царилъ и все собою скрашивалъ глубоко-человѣческiй принципъ. Прочтите Гаршинскiя «Воспоминанiя добровольца Иванова», прочтите тамъ прекрасныя страницы описанiя царскаго смотра подъ Плоешти, и вы поймете, въ чемъ состоялъ этотъ принципъ. Изъ-за завѣсы исторiи въ 40 почти лѣтъ васъ и теперь еще обожгутъ горячiя слезы государя, которыми онъ напутствовалъ на поле брани свои вѣрные полки. Дрожь его руки, державшей уздечку, передастся и вамъ, и вы

почти проникновенно поймете, что, какъ ни священна была война, какъ ни великъ былъ подвигъ освобожденія братьевъ-славянъ, потрясенная душа государя скорбѣла и обливалась кровью за всѣхъ, дѣтей своихъ и братьевъ, которыхъ онъ державнымъ мановеніемъ руки направилъ по пути смерти. И въ этой скорби, въ этомъ трепетѣ кровоточащаго сердца сказалась величайшая побѣда человѣчности и любви надъ неизбѣжной жестокостью и смертью.

А дрогнула ли рука, сжалось ли сердце болью у тамерланствующаго Гогенцоллерна, когда онъ, въ припадкѣ дерзновеннаго безумія, бросилъ вызовъ всему міру? Объ этомъ, безъ сомнѣнія, когда-нибудь разскажетъ намъ правдивый историкъ Европейской войны. Пока же все прошлое Вильгельма II, характеръ его воспитанія и дѣятельности и, уже достаточно ярко проявившіеся, военные «подвиги» его говорятъ за то, что онъ дерзко и самонадѣянно началъ міровую войну, не задумываясь и не скорбя о милліонахъ жизней своихъ и чужихъ подданныхъ, не пугаясь пролитыхъ имъ потоковъ святой человѣческой крови, въ которой и да будетъ ему суждено захлебнуться.

Четверть милліона жизней—и сколько ихъ еще впереди!—погибшихъ подъ Шарлеруа, уже должны, казалось-бы, давить кошмарной горой обнаглѣвшаго азіата, а онъ, въ ослѣпленіи безумія, оповѣщаетъ лишь еще весь міръ, что «сдать японцамъ Цзиньтао ему болѣе стыдно, чѣмъ Берлинъ русскимъ». Только не знающая границъ тевтонская жестокость можетъ такъ дико обречь на

неминуемую гибель десятки тысячъ людей. Ибо, что же это, какъ не обреченіе—противоставить 25,000 человѣкъ, наполовину чуждыхъ военному дѣлу, всей доблестной японской арміи?

Но будетъ! будетъ! И Цзиньтао падетъ, и могучая русская армія будетъ дефилировать въ Unter den Linden, и самъ великолѣпный пѣтушащійся кайзеръ уже обреченъ, ибо, подъявшій мечъ, отъ меча и погибнетъ.

Званіе солдата—священно и почетно. Быть солдатомъ—великій подвигъ. Но быть только солдатомъ, только машиной, не нося въ себѣ никакихъ общенормальныхъ человѣческихъ интересовъ—дико и нелѣпо и возвращаетъ насъ вспять, къ вѣкамъ кондотьеровъ и ландскнехтовъ. Но говоря о Вильгельмѣ II, приходится имѣть въ виду именно типъ машинообразнаго солдата — мундиръ, изъ котораго выпотрошили все живое-человѣческое, оставивъ лишь «пожирающій» взглядъ, саблеобразные усы и бряцающія шашку и шпоры.

Вильгельмъ отецъ, педагогъ и наставникъ, Вильгельмъ художникъ и поэтъ, цѣнитель искусства, путешественникъ и ораторъ, Вильгельмъ наединѣ у себя въ кабинетѣ и на придворномъ балу, Вильгельмъ пасторъ или почетный гость на свадебномъ пиршествѣ, днемъ и ночью, во снѣ и наяву, всегда, всюду и во всякомъ положеніи Вильгельмъ—только прусскій солдатъ, только позирующая потуга на божественнаго Марса, только многотонная гамма все той же единой, всеобъемлющей и всепроникающей духъ его и тѣло, «воинствующей» субстанціи.

Войдите въ тяжеловѣсный порталъ королевско-императорскаго дворца на Шпрее и, минуя рядъ строго-чинныхъ залъ и комнатъ, постарайтесь пробраться въ любопытный кабинетъ императора. На стѣнахъ— ни одного просто-человѣческаго лица, исключая портретъ императрицы, а все какіе-то марсы и ареи, выпушки и аксельбанты и характерно выпяченные гогенцоллернскіе подбородки—знаменіе грядущаго вырожденія. Въ каждомъ углу--модели военныхъ кораблей и возлюбленныхъ цеппелиновъ, пастельные и масляные наброски броненосцевъ, крейсеровъ, миноносокъ и иныхъ носителей смерти и разрушенія. Протяните руку къ чинно разставленнымъ на полкахъ книгамъ, разверните одну, десять, сто изъ нихъ — во всѣхъ одно и то же: войны, тысячи войнъ, убійствъ, разореній, побѣдъ— для нѣмцевъ, понятно, только побѣдъ!—и пораженій. Войны въ воздухѣ, на сушѣ и на водѣ, подъ землей и подъ водой, на лунѣ и Сатурнѣ, въ микро-и макрокосмѣ, войны пчелъ и муравьевъ, львовъ и тигровъ, всѣ войны минувшія, настоящія и будущія, черезъ сотни и тысячи лѣтъ,—и ни звука, ни помысла о томъ, что когда-нибудь можетъ исчезнуть этотъ кровавый кошмаръ, этотъ бичъ человѣчества и цивилизаціи. Какъ будто никогда и нигдѣ люди тяжело и мучительно не задумывались надъ проблемой вѣчнаго міра, какъ будто никогда и никѣмъ не обсуждалось великодушно-гуманное предложеніе Русскихъ Императоровъ, и вовсе не существуютъ и вычеркнуты изъ исторіи Нобелевская премія мира и Гаагскія конференціи...,

Но пойдемте дальше. Минуемъ еще съ десятокъ чинныхъ залъ и войдемъ въ аппартаменты кронпринца. Онъ еще юнъ и дѣтски наивенъ, но, вѣроятно, уже грезитъ кровавыми подвигами на цвѣтущихъ поляхъ Брабанта и Фландріи. О чемъ-бы намъ съ нимъ потолковать? Не задать ли ему вопросъ изъ катихизиса? Спросимъ его, какіе онъ знаетъ три главныхъ праздника въ жизни христіанина. «Рожденіе, вѣнчаніе и мой полковой праздникъ»—бойко, не задумываясь, отвѣтитъ юный богословъ. Не правда-ли характерно, своего рода, nec plus ultra? А если хотите знать, каковъ принцъ теперь, какіе ростки дали заложенныя въ юную душу сѣмена омилитаризованнаго кощунства,—прочтите, обошедшую недавно всѣ русскія газеты, телеграмму, въ которой кронпринцъ всенародно благодаритъ какого-то завравшагося крон-лейтенанта за его аляповато-безсмысленную и ультра шовинистическую брошюру, направленную противъ Россіи.

Оставимъ, однако, бойкаго юнца и снова вернемся къ его благородному Vater'у, несомнѣнно, гордому и своимъ царственнымъ отпрыскомъ, и своими, такъ успѣшно проявленными на немъ, педагогическими способностями. Послѣдуемъ за Вильгельмомъ въ его студію, посмотримъ, надъ чѣмъ измышляетъ кистью и перомъ, служа одновременно всѣмъ 9 музамъ и ни одной изъ нихъ не обижая, этотъ, одинаково «безталанный», художникъ, одописецъ, драматургъ, композиторъ, музыкантъ, ораторъ и проповѣдникъ.

Уже заранѣе можно сказать, что такая, своего рода, цѣльная и со всѣхъ сторонъ грубо подчеркнутая натура, какъ у Вильгельма, должна отдавать предпочтеніе аляповато-яркимъ краскамъ, звукамъ трубъ и фанфаръ, барабанной трескотнѣ и реву пушекъ, а въ сюжетѣ напирать на обязательно кричащее и обязательно кроваво-военное, прусское. И вотъ посмотрите на его специфически нашумѣвшую «Желтую опасность», прочтите его «Гимнъ Эгиру», прослушайте его пьесы, въ которыхъ императоръ, по его словамъ, тщится выразить— что бы вы думали? — «душу германскаго марса», посудите, наконецъ, о его художественномъ вкусѣ и наклонностяхъ, полюбовавшись разокъ—больше душа не приметъ, —воздвигнутой имъ въ Тиргартенѣ «аллеей Побѣды»,— и передъ вами предстанетъ во весь свой ярко повапленный ростъ, если не «душа германскаго марса», то ужъ, несомнѣнно, душа самого многогранно-единаго германскаго императора Вильгельма II. —Всюду, всегда и во всемъ Вильгельмъ вѣренъ самому себѣ и своей, такъ и выпирающей изъ него, маніакальной субстанціи. Послушайте его, когда онъ произноситъ одну изъ своихъ гиперболично-хвастливыхъ рѣчей, по части которыхъ онъ, далеко, не скупъ. Закройте при этомъ глаза, пострарайтесь забыть окружающую васъ обстановку и вы услышите не государя, не политика, даже не митинговаго оратора, а представится вамъ плацъ-парадъ, напряженно замершіе ряды солдатъ, и соловьемъ разливающійся лихой кронъ-полковникъ, коман-

дующій «своимъ» полкомъ: такъ металлически-гулокъ и подчеркнуто-сухъ голосъ императора и такъ безсодержательно-повелительны его рѣчи, что только и слышно въ нихъ — на пра-а-ѐ-п—кру-у-у-гòмъ — à р-ршъ!

Можно быть нѣмецкимъ солдатомъ, можно быть германскимъ солдатомъ и даже спеціально прусскимъ, можно, наконецъ, соединить въ своей особѣ всѣ достоинства исправнѣйшаго швабо-бранденбургскаго сверхъ-служаки. Можно любить и превозносить до небесъ все военно-прусское, любить и культивировать войну, дойти даже до того, чтобы насадить въ огородѣ, вмѣсто рѣпы и капусты, гранаты и шрапнель. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что надо презирать, ненавидѣть и блѣднѣть до обморока при видѣ чернаго фрака на плечахъ какого-нибудь несчастнаго «штафирки». А, между тѣмъ, посмотрѣли-бы вы, сколько ушатовъ презрѣнія изливаютъ «пожирающіе» глаза Вильгельма на каждаго штатскаго, какъ грозно-пренебрежительно топорщатся его усы и нахмуривается лобъ при видѣ чернаго фрака среди мундирнаго сіянія придворныхъ баловъ. Да и кто, кромѣ чиновъ дипломатическаго корпуса, посмѣетъ явиться на придворный балъ въ черномъ фракѣ?... Самые фантастическіе костюмы, лишь-бы они были помарсоподобнѣе, придуманы для вхожихъ ко двору глубоко несчастныхъ «штафирокъ». И если бы какого-нибудь почтеннаго профессора, Geheimrat'а и автора пудовыхъ фоліантовъ, прямо съ придворнаго бала перенести въ глубь экваторіальной Африки, онъ бы тамъ, съ

головокружительнѣйшимъ успѣхомъ, могъ сойти—по пестротѣ и фантастичности костюма—за могущественнаго вождя какого-нибудь готтентотскаго или бушменскаго племени.

Да, можно быть прусскимъ фельдфебелемъ въ отставкѣ и даже лихимъ кронъ-полковникомъ, съ головой и сердцемъ, устроенными по-вильгельмовски, но быть императоромъ и королемъ, главою шестидесяти-милліоннаго народа, да еще въ XX столѣтіи, дико, преступно и опасно—съ такой головой и съ такимъ сердцемъ.

Еще разъ и еще разъ: война—неизбѣжное зло, великій подвигъ необходимости, крайность, на которую идутъ народы и вожди лишь съ стѣсненнымъ сердцемъ. Но война не игра, не забава и не денно-нощная греза, зримая во снѣ и наяву. Наконецъ, война, военное, вооруженное не—властелинъ, также и въ дни мира и покоя подавляющій и безраздѣльно царящій надъ всѣмъ укладомъ и проявленіями жизни, мечтами ея и идеалами. Да и, вообще, неловко даже какъ-то повторять зады, давно натверженные намъ дѣдушкой Крыловымъ въ «Парусахъ и Пушкахъ», мораль которыхъ теперь, лѣтъ сто спустя, еще болѣе доказательна и рельефна. Но приходится, какъ видите. Когда имѣешь дѣло съ такими «цѣльными» натурами, какъ у Вильгельма, приходится многое вспомнить и многое пережевать: и Тамерлана, и Атиллу, и столѣтнія, и тридцатилѣтнія, и всякія прочія войны, съ ихъ кондотьерами и ландскнехтами, и, пожалуй, даже потревожить, давно развѣянный прахъ,

нѣкогда пораженнаго Богомъ, Навуходоносора, со всѣми его травоядно-четвероногими наклонностями.

Не мѣшаетъ, однако, нѣсколько провѣтриться послѣ затянувшагося визита въ сѣромъ дворцѣ на Шпрее и удушливой атмосферы придворно-африканскихъ баловъ. Послѣдуемъ за Вильгельмомъ въ его пышно-гремящихъ поѣздкахъ по Vaterland'у и въ художническо-маринистскихъ и благочестиво-проповѣдническихъ скитаніяхъ на «Гогенцоллернѣ».

Курьеры, курьеры, «сто тысячъ курьеровъ» скачутъ по всему пути, предваряя вполнѣ вѣрноподданныхъ пруссаковъ и менѣе подданныхъ баварцевъ, саксонцевъ, виртембергцевъ и прочее населеніе разъединенно-единой имперіи о проѣздѣ громоподобнаго кайзера и о достодолжной его встрѣчѣ. Позади, въ арьергардѣ пышнаго кортежа, слѣдуютъ туго набитые чемоданы, прежде всего, конечно, съ сотней мундировъ разнообразнѣйшихъ воинскихъ частей и всевозможныхъ родовъ оружія, а затѣмъ также—баулы, съ часами, табакерками, перстнями и всевозможными бездѣлушками,—кайзеръ щедръ на подарки,—на которыхъ обязательно гдѣ-нибудь да красуется самъ неотразимо величественный король-императоръ. Все размѣчено, расписано и распредѣлено заранѣе, съ чисто нѣмецкой кропотливой пунктуальностью и, прежде всего, разумѣется, почести, большія и малыя, и, конечно, только военныя. Предусмотрѣна каждая мелочь въ такомъ, напр., родѣ, что начальникъ почетнаго эскадрона, со-

провождающаго имепаторскій вагонъ, «долженъ находиться на верхней части у праваго задняго колеса»... А?!... Если не вѣрите, если вамъ кажется, что я нѣсколько, такъ сказать, увлекся, ударился въ каррикатуру,—прочтите тогда книжонку Линдемберга—«Вильгельмъ II и Берлинскій дворъ», автора далеко не критически относящагося къ своей темѣ, и вы убѣдитесь, что не только тонъ, который, какъ извѣстно, fait la musique, но и сама музыка переданы у меня вполнѣ вѣрно.

Наскучивъ странствовать по любезному Vaterland'у, въ должной мѣрѣ насытивъ въ себѣ жажду почестей и павлиньей гордости, Вильгельмъ отправляется «отдыхать» на «Гогенцоллернъ», творить и проповѣдывать среди суровыхъ шхеръ Балтійскаго или Сѣвернаго моря. На лонѣ природы во «всеобъемлющей» душѣ Вильгельма, съ неожиданной силой, начинаютъ вдругъ разгораться геніи всѣхъ бывшихъ и будущихъ рембрандтовъ и рафаэлей, и онъ, съ ніобовой плодовитостью творитъ одну картину за другой. По свидѣтельству придворнаго художника Зальцмана, апеллесъ въ шкурѣ Вильгельма преисполняется въ морѣ такой кипучей энергіей, что изъ-подъ экспрессной кисти его вылетаетъ за день не менѣе полудюжины вполнѣ оснащенныхъ броненосцевъ и изрыгаюищхъ пламя и гибель сверхъ-дредноутовъ. Будь на морѣ буря и штормъ, поглоти одержимаго кайзера со всѣми потрохами самъ грозный Мальстремъ—огненная кисть не дрогнетъ и не выпадетъ изъ его, не знающей устали, державной десницы, ибо не забава—его дѣло, не шутки-шутить онъ

вздумалъ, а сокрушить, испепелить и не оставить камня на камнѣ отъ ненавистнаго Альбіона вотъ этими самыми броненосцами и дредноутами. И не велика печаль, что въ техникѣ морского строительства Вильгельмъ столько же понимаетъ, сколько, какъ говорится, одно любезное германскому желудку четвероногое въ апельсинахъ. Но важна и сверхъ-драгоцѣнна молніеносная идея кайзеровскаго генія, а надъ остальнымъ пусть поломаютъ головы и хоть мозги вывихнутъ кильскіе инженера да германскіе адмиралы.

Не знаетъ въ морѣ покоя мятежный духъ короля-императора даже въ дни воскреснаго отдыха. Въ полной адмиральской формѣ, нацѣпивъ на себя все, вплоть до котильонныхъ значковъ, передъ аналоемъ, покрытымъ военнымъ флагомъ, Вильгельмъ совершаетъ торжественную службу. Но не о молитвѣ думаетъ императоръ, и не благочестивы его помыслы передъ престоломъ Всевышняго. Въ головѣ его роятся громоподобныя проповѣди и кощунственныя молитвы-призывы къ Богу силъ и браней—благословить оружіе новоявленныхъ гунновъ, тевтоновъ-варваровъ. «Всемогущій Боже!—молится императоръ:—возлюбленный Отецъ Небесный! Богъ армій! Владыка сраженій! Мы поднимаемъ къ Тебѣ наши умоляющія руки, мы довѣряемъ Твоему сердцу тысячи нашихъ братьевъ по оружію, которыхъ Ты Самъ призвалъ къ битвѣ. Будь всемогущимъ щитомъ, который охранитъ груди нашихъ сыновъ! Даруй нашимъ войскамъ рѣшительную побѣду! Управляй ими въ сраженіи...»

Какая прямо таки жуткая бизонья прямолинейность, ни въ комъ и ни передъ чѣмъ не знающая препятствій, живетъ въ этомъ человѣкѣ! Бога любви и милосердія, Бога, ушедшаго изъ міра юдоли и плача съ благословеніемъ и молитвой за своихъ гонителей и враговъ, Бога всепрощенія, Бога страстотерпцевъ, мучениковъ и святыхъ, великаго христіанскаго Бога—призывать на помощь и въ защиту насильниковъ и поджигателей, кровожадныхъ тигровъ и рафинированныхъ палачей! Ибо не на святое дѣло защиты родины и чести призывалъ тогда Вильгельмъ Божье благословеніе, и не освобождать и защищать, а губить, мучить и издѣваться шли его озвѣрѣлые полки. Вся эта кощунственная молитва была произнесена, весь этотъ комедійно-трагическій парадъ былъ устроенъ въ дни приснопамятныхъ германскихъ звѣрствъ въ Китаѣ, во время позорной карательной экспедиціи фельдмаршала графа Вальдерзее. На весь міръ угрозой цивилизаціи и культурѣ прозвучало тогда напутствіе Вильгельма, которымъ онъ благословлялъ германскій экспедиціонный отрядъ въ Китаѣ: «Не давать пощады! Плѣнныхъ не брать!» И тотчасъ зловѣщимъ откликомъ на этотъ калигуловскій призывъ понеслись съ дальняго востока и стали извѣстны всему міру прославленныя Hunnenbriefe, въ которыхъ нѣмецкіе солдаты и офицеры, съ цинизмомъ дьяволовъ, разсказывали о своихъ помрачающе-кровавыхъ подвигахъ въ Китаѣ. И, какъ набатный зовъ ко всему культурному человѣчеству, какъ предостерегающій голосъ прозорлив-

ца и пророка, прозвучала тогда, 18 ноября 1900 года, рѣчь Бебеля въ рейхстагѣ: «Нашъ всемірный фельдмаршалъ обратился въ карательнаго фельдмаршала, а наша цивилизація, наша гуманность потерпѣли такой ударъ, отъ котораго долго не оправятся»... Полно, да жила-ли, вообще, когда-нибудь гуманность и цивилизація въ сердцахъ бранденбургскихъ властителей и взлелѣянныхъ ими цѣпныхъ псовъ германской арміи? Неужели же наша,—не гунно-нѣмецкая,—а наша, подлинная европейская цивилизація и гуманность уже примирились и забыли тѣ звѣрства, тѣ кошмарные ужасы, которые творились германцами въ Африкѣ? Неужели мы уже забыли, что всего какихъ-нибудь 9-10 лѣтъ тому назадъ «доблестная» германская колоніальная армія въ нѣсколько мѣсяцевъ истребила 60 тыс. челов., цѣлое негритянское племя герреро? Не воевали и не сражались,—потому что, какая же можетъ быть война съ несчастными безоружными неграми и какія могутъ быть сраженія съ полудикими герреро?—а хладнокровно, не дрогнувъ, истребляли и жгли деревню за деревней и съ азартомъ охотились и убивали рѣдкую двуногую дичь, образъ и подобіе божье—человѣка. И неужели-же, наконецъ, мы совсѣмъ-совсѣмъ забыли, что нѣмецкіе генералъ-полковники и безусые розовенькіе лейтенанты привозили къ намъ, — сюда! въ Европу! — кожи, лоснящіяся эбеновыя кожи негровъ, кожи, содранныя съ теплаго, быть можетъ, еще живого человѣческаго тѣла и, какъ гобеленами, обивали ими стѣны своихъ спаленъ и столовыхъ?!

И въ этихъ спальняхъ они почивали и ласкали своихъ женъ и любовницъ?! И въ этихъ столовыхъ они ѣли и пили и возносили къ Богу затрапезную молитву?!..

Такъ почему же мы такъ остолбенѣли? Почему же такъ жарко бьется въ насъ и пламенѣетъ кровь отъ калишскихъ ужасовъ, отъ лувенскаго вандализма, отъ кошмара насилій, издѣвательствъ, разстрѣловъ и смертей? Вѣдь это же понятно, естественно. Вѣдь объ этомъ насъ предупреждали, говорили. Вѣдь это-жъ только одно-десять звеньевъ той-же китайско-африканской цѣпи, еще одно-десять свидѣтельствъ того-же кошмарнаго мартиролога вильгельмо-вальдерзеевской политики... Но нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ! Не скажешь сердцу — молчи! когда такъ умираютъ Туганъ - Барановская, Соколовъ и тысячи-тысячи... Не наложишь тисковъ на мозгъ, не закроешь глазъ, не удержишь слезъ, не перестанешь кричать, вопить:

Проклятіе, проклятіе вамъ палачи!... варвары!..

Чѣмъ, однако, объяснить, что въ одной изъ цивилизованнѣйшихъ странъ Европы, въ странѣ ученыхъ, поэтовъ и гуманистовъ, могла зародиться и расцвѣсть, править ею и даже увлечь по пути варварства такая мрачная средневѣковая сила, какой является въ глазахъ всего культурнаго міра Вильгельмъ II?

«Надо имѣть въ виду—говоритъ уже цитированный нами англійскій авторъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ Politikos:—

надо имѣть въ виду, что въ ранней молодости принца Вильгельма Пруссія вела три побѣдоносныхъ войны — съ Даніей, Австріей и Франціей, въ результатѣ которыхъ и возникла нынѣшняя Германія. Эти войны воспламенили воображеніе отрока, тѣмъ болѣе, что онъ видѣлъ лишь показную, блестящую сторону ихъ, лишь ихъ грандіозное слѣдствіе», самъ никогда не побывавъ въ сраженіи и не видавъ крови.

Война становится жестокимъ ремесломъ, и атмосфера ея сплошь пропитывается одной только лишь кровью, коль скоро сердца не одушевлены идеей свободы и братства, а жадно влекутся лишь по пути хищничества, завоеванія и отторженій. И особенно склонны къ неистовому изувѣрству и ожесточенію тѣ, отъ природы немягкія, сердца, которыя въ тиши кабинетнаго уюта, вдали отъ поля битвы, жадно улавливаютъ изъ реляцій повѣствованія о насиліяхъ и убійствахъ и, отравляясь медленнымъ ядомъ, пріучаютъ свое холодное воображеніе къ, никогда невидѣннымъ ими и не пережитымъ, картинамъ гибели стотысячнымъ массъ и ужасовъ большихъ сраженій. Быть можетъ, такой кабинетный тамерланъ упадетъ въ обморокъ при видѣ порѣзаннаго пальца, но мозгъ свой и сердце онъ уже въ достаточной степени пріучилъ къ всевозможнѣйшимъ ужасамъ, никогда самому не испытаннымъ, и къ океанамъ крови, никогда и капли имъ не пролитой. А если еще всѣ эти кабинетно-мозговые для него ужасы на его глазахъ, уже in concreto претворяются въ кажущуюся мощь и величіе родины, а всѣ, уже подлѣченныя, раны прикрыты фле-

ромъ героизма и всеобщаго восхваленія,— такой герой готовъ разъ навсегда и непоколебимо укрѣпиться на своей, пока еще теоретически жестокосердой, хищнической позиціи, съ тѣмъ, чтобы въ ближайшемъ будущемъ, уже на дѣлѣ, съ высотъ ея и твердынь безтрепетной рукой швырять въ огонь тысячи людей, побѣждать милліоны враговъ однимъ росчеркомъ пера и обезглавливать ихъ и сдирать съ нихъ кожу, не моргнувъ глазомъ.

Такимъ, приблизительно, представляется мнѣ процессъ наростанія специфической воинственности Вильгельма, усвоенной имъ изъ однобокихъ для него уроковъ трехъ, исключительно, хищнически-завоевательныхъ войнъ Пруссіи, веденныхъ въ пору его юности. Прибавьте къ этому, неизмѣнно поставляемый въ примѣръ подражанія и односторонне понятый Вильгельмомъ, образъ Фридриха Великаго, въ атмосферѣ восторженнаго каденія которому онъ выросъ и развился,— и у васъ будутъ почти всѣ психологическія предпосылки, чтобы разгадать, въ общемъ, изрядно убогую натуру германскаго кайзера Вильгельма II.

Вотъ, что тотъ-же Politikos говоритъ о культѣ Фридриха Великаго, царившемъ при гогенцоллернскомъ дворѣ и о томъ вліяніи, какой этотъ культъ оказалъ на Вильгельма: «Маленькій принцъ Вильгельмъ выросъ въ атмосферѣ восторженнаго уваженія къ Фридриху Великому. Не удивительно, если онъ также проникся этимъ уваженіемъ и выбралъ себѣ высшимъ идеаломъ «стараго Фрица», которому, во что-бы то ни стало, хочетъ уподобиться.

Разумѣется, въ концѣ 19 вѣка (книга написана на рубежѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія) роль Фридриха Великаго сыграть гораздо труднѣе, чѣмъ въ половинѣ 18 вѣка. Если императоръ Фридрихъ III восторгался Фридрихомъ Великимъ какъ основателемъ династіи, *Вильгельмъ II восторгается воинственнымъ деспотомъ, человѣкомъ, попиравшимъ безъ угрызенія совѣсти, все, попадавшееся ему на пути»*. *)

Но какъ-бы ни была богата міазмами жестокости и завоевательно-хищническихъ войнъ атмосфера, въ которой росъ и формировался Вильгельмъ, какъ-бы она ни была насыщена восторженнымъ культомъ безцеремонно - разбойничьихъ набѣговъ Фридриха II, — всего этого, въ какой угодно дозѣ, все же недостаточно, чтобы изъ средне-нормальнаго юноши могло выросли такое аморальное чудовище, какимъ показалъ себя Вильгельмъ II въ цѣпи звеньевъ китайско-африкано-бельгійскихъ карательныхъ экспедицій. Необходимо поэтому внести еще одинъ психологическій штрихъ въ характеристику Вильгельма II, выявить ту субъективную подоплеку его натуры, на почвѣ которой дали такіе пышно-смрадные ростки объективныя условія его развитія. Штрихъ этотъ — природная жестокость и грубость Вильгельма, которыхъ не смогли искоренить въ немъ ни лицей, ни университетъ, ни долголѣтняя придворно-казарменная муштра.

Чтобы вполнѣ опредѣленно выяснить эту черту характера Вильгельма, въ связи еще съ безграничнымъ его самовластіемъ и властолюбіемъ, достаточно, я думаю, бу-

*) *Курсивъ мой*. **А. Р.**

детъ указать на 2—3 слѣдующихъ, чрезвычайно яркихъ, факта, которыми кайзеръ ознаменовалъ первые же мѣсяцы своего королевско-императорскаго правленія.

Еще въ послѣдніе годы царствованія престарѣлаго Вильгельма I въ придворно-аристократическихъ сферахъ, изъ устъ въ уста, сталъ передаваться темный, казавшійся дикимъ и невѣроятнымъ, слухъ о томъ, что маститому императору, дни котораго были уже сочтены, наслѣдуетъ не сынъ его и законный преемникъ Фридрихъ, а старшій внукъ Вильгельмъ, кровавый герой нашего времени. И еще передавали, — и это уже казалось многимъ совершенно невѣроятнымъ, хотя кое-кто попрозорливѣе задумчиво при этомъ хмурилъ брови и поплотнѣе сжималъ губы, — что самъ скорострѣльный претендентъ Вильгельмъ далеко не прочь отъ этой, не совсѣмъ ему претящей, комбинаціи, кое-что даже въ этомъ смыслѣ предпринимаетъ, и что, во всякомъ случаѣ, именно онъ и никто другой усиленно муссируетъ вотъ этотъ самый, темный и кажущійся столь невѣроятнымъ, слухъ.

Но вотъ умеръ Вильгельмъ I, былъ похороненъ съ подобающей основателю Новой Германской имперіи пышностью, и на престолъ вступилъ законнѣйшій преемникъ и наслѣдникъ короны, императоръ Фридрихъ III. Всѣмъ темнымъ, дикимъ, невѣроятнымъ и пр. и пр. слухамъ силой и очевидностью фактовъ, казалось-бы, былъ положенъ предѣлъ, и всякимъ прогадавшимъ прозорливцамъ оставалось только поскорѣе разгладить свои многозначительныя морщины и разжать, въ нѣмотѣ своей глаголавшія, уста.

Но такъ ужъ, видно, отвратительно устроенъ нашъ подлунный міръ, что нѣтъ въ немъ ничего тайнаго, что-бы не стало явнымъ.

Всего 3 мѣсяца процарствовалъ императоръ Фридрихъ III. Это былъ 91 день сплошного мучительства, непрерывная агонія человѣка, котораго ужасный недугъ, — ракъ горла, — упорно и настойчиво велъ къ неминуемой могилѣ. Едва онъ умеръ, едва успѣли окоченѣть останки недолговѣчнаго императора, какъ новый властитель, нынѣ столь неблагополучно царствующій Вильгельмъ II, уже началъ проявлять свою волчью натуру. Не въ силахъ и не желая простить своему несчастному отцу его, хотя бы всего лишь трехмѣсячнаго царствованія, третируя его какъ узурпатора «своей», только на немъ долженствующей красоваться короны, Вильгельмъ, если не на отцѣ своемъ, къ счастью, умершемъ, то на его приближенныхъ и друзьяхъ, на женѣ его, своей матери, съ достаточной полнотой и циничной откровенностью проявилъ свои властолюбиво - самовластные инстинкты и жестокія наклонности деспота-хищника. Все, что только, хотя-бы отдаленнѣйшимъ образомъ, напоминало о вкусахъ и привязанностяхъ Фридриха III, подверглось изгнанію и было разгромлено. На все было наложено табу, все было предано анаѳемѣ. Приближенные и друзья его подверглись опалѣ, сосланы отъ двора, а самый близкій къ покойному императору и преданнѣйшій изъ нихъ, редакторъ «Rundschau», въ здравомъ умѣ и полной памяти, былъ посаженъ въ сумасшедшій домъ. О томъ-же, въ какихъ формахъ и въ какой мѣрѣ Вильгельмъ

проявилъ свой «ндравъ» надъ родной матерью, въ мукахъ носившей и рожавшей его—своего первенца, мы можемъ судить по тому, что она вынуждена была бѣжать отъ него и его клевретовъ къ своей матери, англійской королевѣ Викторіи. Ступивъ на почву родной Англіи, войдя въ Виндзорскій дворецъ, Викторія—дочь, со слезами на глазахъ, голосомъ наболѣвшаго сердца обратилась къ портрету Маріи Стюартъ: «Oh! Marie! Marie! si j'avais vécu de votre temps, on m'aurait déjà coupé la tête deux ou trois fois»*).

Да, такъ вотъ каковъ король-императоръ Вильгельмъ II. Признаться, когда я лишь приступалъ къ изученію своей темы, я, хотя и представлялъ себѣ этого господина въ далеко не розовыхъ краскахъ, но все-же не могъ предположить, чтобы вокругъ его трона сгустились столь зловѣще-мрачныя и непроницаемо-черныя тѣни. И многое, очень многое изъ того, о чемъ я пишу, явилось для меня прямо таки откровеніемъ и откровеніемъ-же, думаю, оно явится и для многихъ читателей.

Да, таковъ Вильгельмъ II, эта психологическая концепція врожденной грубости и жестокости, самовластія и властолюбія. Вильгельмъ, оглушенный громомъ завоевательно-хищническихъ войнъ, ослѣпленный милліардами французскаго золота, жаждущій въ XX столѣтіи возродить, уже полтора вѣка сданные въ архивъ, идеалы «стараго Фрица»...

Чему-же мы тогда такъ удивляемся?

---

*) *«О! Марія! Марія! если-бы я жила въ ваше время, мнѣ-бы уже дважды или трижды отрубили голову».*

Почему мы такъ поражены и остолбенѣли отъ «подвиговъ» этого швабо-бранденбургскаго порожденія адова?

Вѣдь это онъ, Вильгельмъ II, напутствовалъ свои дикія полчища девизомъ—не давать пощады! плѣнныхъ не брать! Вѣдь это онъ, Вильгельмъ II, тайно и явно одобрялъ живодерные инстинкты своихъ африканскихъ генералъ-полковниковъ и кронлейтенантовъ! Вѣдь это онъ, Вильгельмъ II, замышлялъ гнусную измѣну противъ своего отца и былъ палачемъ своей матери! Вѣдь это онъ, Вильгельмъ II здоровыхъ и нормальныхъ людей упрятываетъ въ сумасшедшій домъ и цинично и жестоко издѣвается надъ памятью своего отца!... Такъ почему бы тому же Вильгельму II одной рукой не разстрѣливать мученика долга Соколова, другой—грязной окровавленной лапой не срывать повязокъ съ растерзанной головы Туганъ-Барановской, не проявить своихъ вандальскихъ инстинктовъ въ Лувенѣ, не растоптать подкованнымъ сапогомъ прекрасную цвѣтущую Бельгію?! Почему-бы?!.. И только нашему безграничному невѣжеству въ вопросѣ объ «историческихъ» дѣяніяхъ и психопатологіи германскаго кайзера мы обязаны тѣмъ, что еще можемъ удивляться и блѣднѣть отъ кровавыхъ дѣлъ этого кроваваго героя нашего времени. Вѣдь нашлись же, вотъ, проницательные люди—тотъ же Poitikos,—которые еще въ концѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія писали: «*Вильгельмъ—государь, опасный не только для Германіи, но и для всего цивилизованнаго міра*»...*)

---

*) *Курсивъ мой.* **А. Р.**

Ну, а Германія, прекрасная страна великаго народа? Неужели она молчала и умыла руки въ крови, пролитой ея властелиномъ? Неужели ея благородные сыны, ея философы и поэты, цвѣтъ и краса мысли и слова, рукоплескали подвигамъ своего атиллы?..

Нѣтъ! Нѣтъ! Какъ рыкающій левъ всходилъ на трибуну Августъ Бебель и передъ всѣмъ міромъ обнажалъ гнойныя раны своей родины. Какъ мѣткій застрѣльщикъ передовой арміи билъ часто въ больную точку кайзеровскаго величія Карлъ Либкнехтъ. Какъ неотвязный оводъ жалила и терзала и мучила, не давая покою, Роза Люксенбургъ. И всѣ они, весь рейхстагъ и вся страна не разъ, какъ бичъ, хлещущимъ pfui! напутствовали каждый дикій шагъ и каждую безумную выходку своего тамерлана-императора...

Но свора одичалыхъ псовъ тѣснымъ кольцомъ окружила Вильгельма, и въ воѣ ихъ одобренія онъ находилъ поддержку своимъ безумствамъ. Откормленные кровавыми крохами отъ его стола, натасканные на все божье-прекрасное и человѣчески-благородное, эти цѣпные псы вильгельмовой своры переполнили теперь ряды германской арміи и справляютъ въ ней каннибальскую тризну по своимъ безвозвратно минувшимъ — они чуютъ это — краснымъ денечкамъ.

Великая духомъ, могучая своимъ благородствомъ, непобѣдимая русская армія! Передъ вами лежитъ сказочно-богатырскій

путь въ сердце вражеской страны, къ ея многошумнымъ столицамъ. Такъ помните-же — за вами право, за вами сила, и величайшая добродѣтель сильныхъ — милосердіе! . . . .
. . . .

Цѣна 15 коп.